

Ohmydearlife / pixabay.com

09.12.2021, 20:09 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Самоцензура, игнорирование и отказ от сотрудничества. Эксперты о дискриминационных чертах «иноагентских» законов

Несмотря на утверждения российских властей о том, что статус «иноагента» не накладывает никаких ограничений на его носителя, по факту это не так. В конце ноября ОВД-Инфо выпустил [доклад](#) о дискриминирующих нормах «иноагентского» законодательства. Теперь мы поговорили с экспертами из разных сфер: они рассказали, как статус «иноагента» лишает прав и мешает заниматься правозащитой, политикой и журналистикой.

НКО-«ИНОАГЕНТЫ» И ОНК

Общественные наблюдательные комиссии (ОНК) занимаются мониторингом и защитой прав человека в СИЗО и колониях.

Зоя Светова, журналистка и правозащитница

Зоя Светова / Фото из личных соцсетей Зои Световой

Насколько я знаю, **поправки**, которые запрещают организациям, признанным «иностранными агентами», выдвигать кандидатуры в ОНК, вступили в силу в 2018 году. Эти поправки еще больше затруднили возможности правозащитников попасть в ОНК. Процедура отбора кандидатов и так не прозрачна: неизвестно по каким критериям он проходит. Но мы точно знаем, что есть определенные черные списки, куда, например, внесена Московская Хельсинкская группа. Также мы знаем, что преференции отдаются организациям, созданным сотрудниками правоохранительных органов.

С момента принятия поправок поле возможностей для независимых правозащитников в сфере ОНК сузилось еще сильнее: уменьшилось число кандидатов — в последние годы многие независимые от государства организации

были объявлены «иностранными агентами». В итоге теперь своих кандидатов в ОНК могут выдвигать только провластные структуры. Все кандидаты, которые будут выдвигаться в ОНК, — это либо бывшие сотрудники правоохранительных органов, либо прокуроры, либо бывшие сотрудники ФСИН, либо предприниматели, которые так или иначе связаны с силовыми структурами. Именно такую картину мы сейчас и видим в ОНК [по всей России].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

Светлана Маковецкая, член Совета по правам человека при президенте России; директор фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований „ГРАНИ“»

Светлана Маковецкая / Фото president-sovet.ru

Прямого запрета для НКО, выполняющих функции «иностранного агента», претендовать на получение президентских или региональных грантов нет. Более того, есть организации, которые получали гранты [от

российского государства], будучи «иностранными агентами», и получают их до сих пор. В качестве примера могу привести ЦРНО из Петербурга. Мне кажется, какое-то время такие средства также получали и региональные «Мемориалы» и структуры Московской Хельсинкской группы.

Были случаи, когда организации, входящие в реестр «иностранных агентов», получали не только государственное финансирование, но и имущественную поддержку. Например, организация [правозащитника] Льва Пономарева имела фактически бесплатное помещение, нужно было оплачивать только коммунальные услуги. При этом организация также получала и правительственные гранты [уже после внесения в список «иноагентов»]. Кризис начался именно после того, как гранты они не получили.

В ноябре на совещании о финансировании социальных проектов руководитель Фонда президентских грантов Илья Чукалин сильно гневался и говорил, что ограничения на доступ к государственному финансированию для «иностранных агентов» быть не может. Но это все разговор на уровне правил.

В реальности практика намного более сложная. Признанные «иностранными агентами» организации могут подавать заявки на получение государственных грантов, но в конкурсе они не побеждают, потому что эксперты, которые заявки оценивают, могут включить самоцензуру. Кроме того, есть мнение, что организации, выполняющие функции «иностранного агента», не относятся [с позиций российского государства] к приоритетным организациям, которые нужно поддерживать. С имущественной поддержкой происходит то же самое.

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Андрей Бабушкин, член Совета по правам человека при президенте России, председатель межрегиональной общественной благотворительной организации «Комитет за гражданские права»

Андрей Бабушкин / Фото president-sovet.ru

На законодательном уровне дискриминационных норм пока не так много, но формально статус «иноагента» все равно сильно ограничивает СМИ и НКО в реализации своих прав. Это связано с тем, что большинство чиновников боятся иметь дело с «иностранными агентами». Истерия, которая происходит в обществе и поддерживается [провластными] СМИ, создает у них и у обычных граждан представление, что иметь дело с «иноагентами» очень опасно, а тех, кто пользуется их помощью или с ними сотрудничает, ждут неприятности.

На примере партии «Яблоко», которая включила в список кандидатов бывшего директора «Открытой России»

Андрея Пивоварова и из-за этого **должна была указывать** связь политика с «иностранным агентом» в агитационных материалах, мы видим, что этот шаг стоил партии большого количества голосов. Я думаю, что без этой маркировки **«Яблоко» бы преодолело и трехпроцентный, а может, и пятипроцентный барьер голосов на выборах.**

Таким образом, формального запрета участвовать в политике для «иностранных агентов» нет. Нет правил, по которым нельзя голосовать за партию, куда включен «иностранный агент». Но для людей само это слово носит негативный характер, ведь пока человек сам не стал «иноагентом», он вряд ли поймет, что точно означает это понятие. Для этого нужно быть очень продвинутым, понимающим, знающим историю общественных объединений и правозащитного движения в России. У обычных людей складывается ощущение, что «иноагенты» — это люди, которые хотят сделать что-то нехорошее для страны.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

**Елена Панфилова, учредитель Центра
антикоррупционных исследований и инициатив
«Трансперенси Интернешнл — Россия»**

Елена Панфилова / Фото budget.open.gov.ru

Статус «иноагента» влияет на проведение антикоррупционных расследований таким образом, что на многие наши письма и запросы мы теперь не получаем ответа или нам отказываются предоставлять необходимые данные. Для расследований нам нужно получать информацию о том, была ли та или иная закупка проведена или работал ли такой человек в корпорации. Бывает даже, что не отказывают напрямую, просто не отвечают на наши письма. Раньше, как правило, всегда отвечали. Мы это связываем в первую очередь с тем, что никакие организации не хотят связываться с «иностранными агентами».

Кроме того, мы столкнулись с довольно дикой ситуацией: наши расследования теперь негде публиковать. Практически все издания, которые чаще всего

публиковали их раньше, теперь тоже либо получили статус «иноагента», либо признаны нежелательными. У нас было много совместных проектов с журналистами, теперь же непонятно, как доносить расследования до потребителя.

ВЛИЯНИЕ НА РАБОТУ СМИ

Екатерина Зубань, юрист Центра защиты прав СМИ

Екатерина Зубань / Фото из личных соцсетей Екатерины Зубань

Все «иноагентское» законодательство абсурдно и нелогично. Для СМИ больше всего проблем связано с маркировкой. Маркировать контент нужно определенным образом при каждом формате публикации. Без маркировки СМИ — «иностранный агент»

запрещается распространение каких-либо сообщений в соцсетях и на сайте [в противном случае грозит административная и уголовная ответственность].

Нечетко прописанные правила маркировки приводят к тому, что возникает потенциальная брешь в законе. Объясню на примере: для СМИ, не внесенных в реестр «иноагентов», **достаточно** просто указать, что они ссылаются на «иностранного агента», если они цитируют СМИ, внесенное в этот реестр. Но если СМИ, не признанное «иностранном агентом», решит перепечатать тексты СМИ, которое «иностранном агентом» признано, могут возникнуть проблемы.

С точки зрения закона, никаких претензий к СМИ, которое в реестр не внесено, не будет, но они могут возникнуть к коллегам, которые в этот реестр внесены. На практике такого еще не происходило, но я не исключаю, что дойдет и до этого. Теоретически ведь такую публикацию могут расценить как сообщение, которое «иностранном агент» распространяет через СМИ без маркировки.

С монологами и интервью физлиц — СМИ-«иноагентов» та же история. В теории у нас не установлена обязанность большой пометки в таком случае, но «иноагента» тем не менее могут привлечь к ответственности за ее отсутствие.

В теории нет и запрета на регистрацию «иностранном агентом» своего СМИ. Тем не менее Денису Камалагину, который хотел зарегистрировать издание «Псковская губерния», Роскомнадзор неоднократно в этом праве **отказывал**. Ссылался Роскомнадзор на то, что **по закону** иностранные граждане, государства и организации не могут быть учредителями СМИ в России. Как мы понимаем, Денис ни к одной из этих групп формально не относится, несмотря на это, позже суд согласился с доводами Роскомнадзора, признав их отказы законными. На этом примере видно, что несмотря на то, что в законе

явных ограничений для «иностранных агентов» нет, на практике они все же появляются.

ВОЗМОЖНОСТЬ ОСПОРИТЬ СТАТУС «ИНОАГЕНТА» В СУДЕ

**Павел Чиков, руководитель Международной
правозащитной группы «Агора»**

Павел Чиков / Фото из личного архива Павла Чикова

Практически все включенные в реестр СМИ — «иностранные агенты» (и некоторые НКО — *ОВД-Инфо*) с декабря 2020 года обжалуют это решение в суде. Процедура предусмотрена Кодексом об административном судопроизводстве и предполагает подачу административного искового заявления к Министерству юстиции. Если речь идет о физическом лице, у него есть выбор: судиться либо по месту постоянной регистрации, либо по месту нахождения

Министерства юстиции — это Замоскворецкий районный суд Москвы. Там есть специально выделенная судья Нелли Рубцова, которая рассматривает все иски «иноагентов» на протяжении последних 6-7 лет.

Первые истцы приняли решение судиться у себя по месту прописки: в Петрозаводске, Петербурге и Пскове. Это привело к тому, что в отношении них судом были приняты обеспечительные меры и тем самым они не обязаны были выполнять требования закона об «иностранных агентах» до вступления в силу решения суда [об отказе снимать с них статус]. Например, журналист Сергей Маркелов был включен в реестр 28 декабря 2020 года, и до ноября [2021 года] он не выполнял никакие обязанности «иностранных агентов».

[Судебные] процессы у всех очень долгие. Во всех инстанциях суды в удовлетворении наших исков отказывают — даже там, где практически нет никаких доказательств того, что включенные в реестр «иноагенты» получали какое-либо иностранное финансирование. Первые апелляции на решения судов были только в августе. На стадии кассационного обжалования сейчас уже два дела — дело Людмилы Савицкой и Дарьи Апахончич.

Большинство истцов понимает, что рассчитывать на удовлетворение их исков не приходится, поскольку за всю историю существования института «иностранных агентов» [успешно] оспорить в суде этот статус удалось очень немногим организациям. И это все были события 2015–2017 годов.

Сейчас выйти из реестра «иноагентов» можно по сути только двумя способами: по истечении года после включения в реестр просить Минюст исключить тебя оттуда, доказывая, что в течение года ты как физическое лицо или организация не получал иностранное финансирование, либо через ликвидацию. Для физических

лиц остается только первый способ. Пока таких случаев не было, просто потому что год с момента первого пополнения этого реестра еще не прошел.

Иноагенты

Признание «иностранным агентом» — один из инструментов давления со стороны российских властей на независимые общественные организации, а с конца 2020 года — и на оппозиционных деятелей.

23 1229